

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА. КИТАЙСКИЙ ФЕНОМЕН

Цивилизационные модели современности и их исторические корни. – К.: “Наукова думка”, 2002. – С.365–374.

Сегодня широко распространено мнение о том, что единственным путем прогрессивного развития человечества является путь, которым идут страны Запада. При этом считается само собой разумеющимся, что остальной мир, старательно изучая западные образцы и следуя им, рано или поздно превратится в нечто подобное, то есть в общество благополучное, комфортное, сытое и, естественно, демократическое.

Надо ли говорить, что в таком обществе, как наше, украинское, а до самого последнего времени и в российском, такой постулат воспринимался как аксиома. В какой-то степени это можно объяснить эффектом замены в головах людей одних догм другими. На смену марксистской формационной теории пришла идея движения к единому цивилизационному образцу на основе «общечеловеческих» ценностей. Охлократическое постсоветское общество с восторгом приняло, а точнее, заглогло целиком наживку — доктрину, весьма схожей с истматовским прямолинейным прогрессом, оставив без внимания даже те западные теории цивилизации (А.Тойнби, О.Шпенглера, М.Вебера, К.Леви-Строеса), которые убедительно свидетельствуют о нелинейности и многообразии исторического процесса.

Действительно, система демократических ценностей в сочетании с традициями рыночной экономики сложилась впервые в Европе, а затем, «перебравшись» через Атлантический океан, распространилась в США и Канаде. С большими или меньшими вариациями и оговорками и значительно более скромным эффектом эта модель получила признание в странах Латинской Америки. С еще большими трудностями столкнулась она в Африке, окончательно забуксовала в арабском мире и, наконец, подверглась самым серьезным модификациям в странах восточноазиатской цивилизации. То, что произошло там, дает определенные основания говорить о возникновении принципиально новой модели общественного развития.

В неевропейских странах модернизация сложившихся обществ происходила и продолжает осуществляться на базе заимствований западных факторов прогресса с последующей творческой их адаптацией. В таких странах, как Япония, Корея (Южная), Тайвань (лишенный международного признания), Малайзия, Сингапур, а теперь уже полным ходом и в большом Китае происходит интенсивный синтез технологических достижений Запада и национальных духовных традиций. При этом традиционные общества не перенимают механистически западные ценности, а преломляют и переделывают их в соответствии с необходимостью сохранения своей идентичности и самобытности. Иначе говоря, «берем у Запада то, что нам нужно, а то, что не нужно, не берем». Одна из особенностей азиатского менталитета такова, что на уровне разума он воспринимает привлекательность раскрепощающей жизнедеятельности личности на Западе и потакающую человеческим слабостям западную культуру, а на нравственно-психологическом уровне ее отвергает и следует национальным традициям. Распространенное в Азии настороженное отношение к вестернизации при одновременном стремлении к модернизации Джон Найсбит обобщил такой формулой: «Если нам это нравится, то это современное, а если нет, то это западное»¹. Фактически однако, можно говорить о том, что некоторые страны Азии, и в первую очередь Китай, благодаря своим огромным человеческим ресурсам и гигантским масштабам социального эксперимента, создают принципиально новую модель современной

¹ *Naisbitt John. Megatrends Asia. — N.Y. — 1997. - P. 58.*

цивилизации. В основе модернизации этих обществ лежит не столько заимствование западных ценностей, сколько синтез принципов западной рациональной и технократической культуры с восточными духовными традициями. Рискнем высказать предположение, что нечто подобное может проявиться и в других регионах и отдельных странах с культурой, отличной от западной.

По мнению большинства специалистов, Китай в XXI веке будет играть ведущую роль в современном мире. Некоторые ученые даже называют XXI век «эрой Китая». Возможно, такие оценки являются излишне восторженными, тем не менее их никак нельзя считать безосновательными.

После 1978 года, когда был принят новый курс политики открытости и реформ, Китай начал быстро превращаться в мировую державу. Успехи китайских реформ стали привлекать все большее внимание мирового сообщества. За прошедшие с начала реформ годы, с конца 80-х годов ВВП КНР возрастал в среднем на 9,6 % в год, рост промышленного производства — в среднем на 11,2 % за год, занятость населения тоже возрастала на 3 % ежегодно². Немаловажным является и то, что прирост производства товаров народного потребления и продуктов питания опережал рост экономики в целом. Наибольшее внимание уделялось внутреннему рынку, который бурно развивался. Уже за первые 10 лет реформ удалось решить проблему обеспечения населения продовольствием, а это, напомним, 1/5 населения земного шара. За два десятка лет политики реформ и открытости удалось преодолеть такие извечные проблемы Китая, как проблему голода и обеспечения населения самыми необходимыми товарами широкого потребления. Как здесь не вспомнить Корнаи, который называл дефицит «вечным спутником социализма». У китайцев эта проблема была решена уже в первые годы реформ. И все это без какой-либо шоковой терапии. Эти замечательные результаты заставляют задуматься о том, какие факторы оказали решающее воздействие на возникновение подобного феномена. Чтобы правильно ответить на этот вопрос, очевидно, небесполезно обратиться к источникам китайского мировоззрения, особенностям его философии и истории. Само название Китая «Чжун-го» означает «Срединное государство», то есть государство, которое лежит в центре мира. Вокруг него живут варвары, которых надо вовлекать в цивилизованную жизнь. Так считали древние китайцы и были во многом правы, так как стояли на значительно более высокой ступени культурного развития, чем их соседи.

И хотя китайцев на протяжении их трёхтысячелетней истории неоднократно завоевывали иностранные агрессоры, все они рано или поздно... становились китайцами. Дело в том, что за долгие годы существования в Китае возник *механизм духовной адаптации и конструктивного восприятия других культур*. На протяжении тысячелетий китайцы неоднократно «переваривали» чужеродные культуры, превращали их в нечто качественно новое, отвечающее их собственным представлениям и вкусам, в результате чего они становились достоянием китайцев.

Один из широко распространенных стереотипов, доживших до сегодняшнего дня, это миф о замкнутости китайской цивилизации и культуры. Действительно, древнекитайская дипломатия имела целый ряд специфических особенностей, осуществляя контакты с внешним миром. Но это не значит, что Китай не имел довольно интенсивных связей с внешним миром, особенно с ближайшими соседями. Другое дело, что процесс этот тщательно контролировался властями. При этом любое учение или явление, попадавшее в Китай извне, проходило длительный процесс

² Данные приводятся по Статистическому обзору КНР о национальном экономическом и социальном развитии КНР в 1999 г. — Пекин. 2000. — С. 1—2.

апробации, своего рода «окитаивания» (*хуася*). Так в давние времена произошло с буддизмом, который пришел в Китай из Индии и пустил глубокие корни в китайской культуре, то же самое произошло, правда значительно позже, и с марксизмом. Идея Мао Цзэдуна относительно «китаизации марксизма» постепенно, шаг за шагом, трансформировалась в формулу «социализма с китайской спецификой». Во времена Дэн Сяопина марксизм в процессе «китаизации» был облагорожен традиционными и хорошо понятными китайскому миру социально-этическими идеями конфуцианства. Таким образом, здесь нет ничего принципиально нового, это абсолютно привычное явление для социально-политической жизни Китая, этот феномен наблюдался на протяжении всей продолжительной истории Китая. Что бы там ни говорили, а социализм для китайского общества был иностранным, если можно так выразиться, «импортированным» учением. Поэтому абсолютно закономерно он подвергся изменениям в духе приспособления его к китайским национальным ценностям и реалиям. Другими словами, марксизм, как и все инородные теории, был переделан таким образом, чтобы стать приемлемым для китайского восприятия.

Следует подчеркнуть, что историческими истоками «социализма с китайской спецификой» можно с полным основанием считать еще сочинения Конфуция, которые впервые были зафиксированы в трактате «Ли-цзы», к созданию которого Конфуций имел непосредственное отношение. Конфуций хорошо понимал, что «истинное (то есть справедливое) правление» реализовать в реальной политической практике — дело весьма непростое. Поэтому возможность его создания или откладывалась на неопределенное время, или о его существовании упоминалось как «память о золотых временах». Общество такого идеального типа получило название «общество большого единения»³.

Хотя цели марксистского социализма и китайского социализма принципиально совпадали (построение социализма), однако средства достижения этой цели значительно различались. Согласно марксизму — это классовая борьба. В Китае же главный упор был сделан на развитие производственных сил. Другое отличие состоит в том, что в марксизме значительное место отводилось идее объединения интернационалистских усилий мирового пролетариата, в Китае же сейчас к этому относятся очень взвешенно, рационально, так как прекрасно понимают иллюзорность подобных затей в сегодняшнем мире.

Тезис К. Маркса о том, что «рабочие не имеют родины и у них нельзя отобрать то, чего у них нет»⁴, никогда не нашел бы отклик у китайцев именно из-за того, что главной целью китайского социализма провозглашено всестороннее развитие материальной и духовной культуры китайской нации. Итак, национальные интересы рассматриваются как доминирующий фактор. Из всего этого видно, что китайский социализм образца конца XX — начала XXI века стал более прагматическим по сравнению с европейским оригиналом века XIX, а идеология превратилась из довольно абстрактной цели в мощное политическое средство⁵.

К вышеупомянутому можно добавить высочайшую степень национального достоинства китайцев, которое закалялось в продолжительной борьбе за собственное выживание и независимость родины. Два этих компонента дают в итоге то, что можно назвать *конструктивным патриотизмом*.

³ Древнекитайская философия. М., 1973, с. 99—140.

⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в 2-х томах. — Москва. 1949. — С. 25.

⁵ Титаренко М.Л. «Китайская философия и будущее китайской цивилизации» // Китайская философия и современная цивилизация. — М., 1997. — С. 5—14.

Короче говоря, главные факторы жизнеспособности китайской цивилизации, которые в соединении с мудрым и смелым руководством Дэн Сяопина обусловили успех реформ, таковы:

1. Неразрывная связь между национальным самосознанием и традиционными (преимущественно конфуцианскими) ценностями китайцев, которые передавались из поколения в поколение. Именно этот фактор надежно обеспечивал в прошлом и продолжает обеспечивать теперь высокий уровень национальной самоидентификации.

2. Высокогомогенный этнический состав населения Китая, 92 % которого являются ханьцами, а остальные 8 % исторически и культурно достаточно близки к ним. Здесь же следует указать, что китайцы, в каком бы уголке земли они ни жили, не теряют свою национальную идентичность, сохраняют свои обычаи и традиции, язык, на котором издают свои газеты, объединяются в разные сообщества, то есть, по сути остаются китайцами.

3. Грамотное проведение китайским руководством во главе с Дэн Сяопином курса экономических реформ, направленных на модернизацию страны, прежде всего с помощью политики открытости и привлечения иностранных инвестиций. В свою очередь, быстро достигнутое повышение жизненного уровня народа обеспечило широчайшую социальную базу для дальнейших преобразований.

4. Преданность подавляющего большинства китайцев идее сильного Китая, сохранение ими собственного, в том числе национального, достоинства при любых обстоятельствах. Нет ничего более позорного для китайца, чем «потерять лицо».

5. Наличие могущественной китайской диаспоры, разбросанной по всему свету и оказывающей огромное влияние на ситуацию во многих странах, прежде всего Юго-Восточной Азии. Для китайцев, где бы они ни жили (в Китае или вне его границ) и каких бы политических взглядов ни придерживались, кроме личного благополучия, главное — это Китай (следует что-либо сделать для его процветания). Так, китайская диаспора, большая часть которой стояла и все еще остается на антикоммунистических позициях, удачно вложила миллиарды американских долларов инвестиций в экономику КНР, несмотря на наличие режима с коммунистической идеологией, когда убедилась в конструктивном характере реформ Дэн Сяопина⁶. За ней последовали многочисленные западные компании. Все это происходило на фоне постоянных усилий правительств западных стран осложнить эти процессы. Очевидно, можно утверждать, что западный бизнес действовал нередко вопреки рекомендациям своих правительств, но поскольку жесткая конкурентная среда и заманчивая возможность закрепиться на перспективном рынке заставляла их действовать решительно, инвестиционная активность иностранных компаний из года в год возрастала. Неплохо высказался по этому поводу почетный президент компании «Пепсико» Дон Кендел, отвечая на вопрос, почему компании США вкладывают миллиарды долларов в Китай, где, по мнению многих, нарушаются права человека: «Права человека и свобода слова — важные категории, но они не связаны непосредственно с инвестиционным климатом, который зависит от двух вещей: политической и экономической стабильности в стране»⁷. Таким образом, *Китай оказался способным создать благоприятный инвестиционный климат для иностранных инвесторов.*

⁶ См. по этому поводу монографию *Андреев М.А.* Зарубежная китайская буржуазия — орудие Пекина в Юго-Восточной Азии (М., 1973), написанную задолго до начала реформ Дэн Сяопина; см. также: *Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии.* — М., 1986. Из более свежих работ обращает на себя внимание работа: *Wang Gungwu* «China and the Chinese Overseas». «Commercial Press». — Hong Kong, 1994.

⁷ Аргументы и факты. — 27.06. 2000.

Представляется также, что китайский феномен прежде всего состоит в удачном сочетании традиционных китайских ценностей и достижений мировой, в том числе современной, экономической мысли.

Тем не менее нельзя не замечать, что успешные реформы создали и многие новые проблемы, которые добавились к существующим. Безработица, несмотря на все предпринимаемые усилия, для Китая все еще проблема номер один. Углубляется разрыв между быстро развивающимися приморскими провинциями и бедными внутренними районами. Кроме того, быстрый экономический рост ускоряет возникновение среднего класса, немало представителей которого постепенно начинают проявлять интерес к таким проблемам, как «права человека», «свобода печати» и т.п. Заимствование передового научно-технического западного опыта, привлечение иностранных инвестиций, процессы глобализации мировой экономики, глобальное господство Запада в информационном пространстве ведут к возникновению определенных противоречий в китайском обществе. В особенности это касается молодежи. Она не хочет мириться с коррупцией, nepотизмом (кумовством), углубляющимся разрывом между богатыми (а в Китае таких уже немало) и бедными, которых тоже еще более чем достаточно, в особенности во внутренних районах КНР. Кроме того, налицо обострение конфликта между традиционными китайскими ценностями (корпоративизм, иерархичность, дисциплина) и ценностями западного общества (индивидуализм, рационализм, свобода)⁸. В общем, можно утверждать, что китайский национальный характер проходит очередное испытание. Правда, теперь не бедностью, как раньше, а благосостоянием.

Но, вопреки всему, китайский эксперимент состоялся. Его уникальность состоит в том, что Китай доказал миру возможность эффективного преобразования огромной отсталой страны с массой нищих людей в современную, экономически динамично развивающуюся державу за исторически короткий промежуток времени. Экономические успехи обеспечили поддержку реформ населением, что жизненно важно во время их проведения. Успех китайского эксперимента также показывает, что в современном мире нельзя опираться исключительно на западный опыт, необходимо настойчиво искать свой путь, который отвечал бы национальным традициям и менталитету.

Китай, похоже, создает в процессе преобразований новую модель современной цивилизации. В этой модели соотношение между политической культурой и экономикой иное, чем мы видим в западной цивилизации.

В основу этой модели, очевидно, положена национальная традиция иерархичности общества, уважения к старшим, ответственности руководителя, корпоративность, но в то же время и известное ограничение гражданских

прав. Здесь явно присутствуют этические принципы конфуцианства и сознательно насаждаемое ответственное отношение гражданина(!) ко всему, что происходит в обществе. Конечно, последнее пока более присуще таким странам, как Япония или Сингапур, оно, пожалуй, даже более характерно для Гонконга и Тайваня, но постепенно этот процесс распространяется и на большой Китай. Думается, что по мере углубления делократизации политического режима, темпы развития такого процесса значительно ускорятся. Здесь следует заметить, что Китай, даже де-факто разделенный, остается цивилизационно единым целым. Да, воссоединенный с большим Китаем Гонконг отличается от материка, но это скорее отличия бытовые: больше комфорта, бо-

⁸ Ду Вэймин. «Глобальное сообщество как реальность: изучение духовных ресурсов социального развития // Китайская философия и современная цивилизация. — М 1997. - С. 15-28.

льше развлечений, больше иностранцев и контактов с внешним миром, другими словами, то, как материально люди живут там сегодня, — это завтра Китай. Китайцы прилагают большие усилия для того, чтобы добиться органического усвоения полезного западного опыта, прежде всего в сфере менеджмента и регулирования рыночного механизма на китайской почве. Но при этом они решительно отбрасывают все отрицательное, что, как считают в Азии, является обязательными спутниками современного западного капитализма (наркомания, преступность, крайний индивидуализм и апатия). «Общество, которое мы строим, — это не только общество высоких материальных стандартов, это общество с высокими культурными и этическими нормами», — подчеркивал Дэн Сяопин⁹. Американские политологи называют такую модель «рыночным социализмом». Китайские руководители предпочитают называть его «социализмом с китайской спецификой».

Мир становится все меньше, а людей в нем — все больше... Бездна, что разделяет богатые и бедные страны, становится все глубже. В соответствии с данными ООН, разница в доходах 1/5 населения мира, которым посчастливилось жить в богатейших странах, и доходами 1/5 населения беднейших стран увеличилась с 30:1 в 1960 г. до 74:1 в 1997г. Поданным ЮНИДО, разница в доходах между развитыми и развивающимися странами увеличилась с 1960 до 1990 г. на 45 %¹⁰. И хотя страны постсоветского пространства официально не входят в категорию стран, которые развиваются, все это наводит на определенные раздумья. Слишком много общего: бедность, неэффективное управление, коррупция. Тем большим в свете вышеупомянутого должен быть наш интерес к примерам удачного реформирования в странах, о которых уже упоминалось.

В начале своих реформ все социалистические страны столкнулись с альтернативой: что раньше, рынок, а потом демократия или сначала демократия, а потом рынок. Страны Восточной Европы в той или иной мере старались сочетать путь к рынку (который, заметим, был у них в силу исторических обстоятельств куда короче, чем у нас) с демократическими преобразованиями. Как следствие, они имеют определенные достижения в реструктуризации своих экономик и вместе с тем великое множество проблем, связанных с поглощением их собственных рынков более мощными западными корпорациями, со значительными внешними долгами, проблемами со сбытом экспортной продукции, глубоким социальным расслоением. Тем не менее их проблемы не идут ни в какое сравнение с проблемами, которые возникли на постсоветском пространстве. Отсутствие сколько-нибудь серьезной стратегии преобразований в эпоху так называемой перестройки неизбежно привело к усилению центробежных тенденций и последовавшему распаду СССР, с возникновением вслед за этим многочисленных межнациональных конфликтов и небывалого экономического и культурного упадка на всей территории бывшего Союза. Возникновение на этих руинах новых независимых государств не смогло, как показало время, переломить негативную тенденцию падения жизненного уровня людей и приостановить экономическое падение. Вместо проведения структурного реформирования экономики, ожидаемых социальных реформ, игнорирование законов экономического развития практически во всех постсоветских странах, привело к глубокому и продолжительному экономическому кризису, последствия которого до сих пор не исчерпаны и будут ощущаться, очевидно, еще длительное время¹¹.

⁹ Избранные труды Дэн Сяопина. — Пекин, 1994.

¹⁰ Цифры приводит китайский ученый Чжэн Бинси в статье «Экономическая глобализация и новый международный экономический порядок» в журнале «International Studies», который выпускается Институтом международных исследований при МИДе КНР, № 7-10, 2000, с. 15-28.

¹¹ Процессы, происшедшие в Украине с 1991 г., достаточно детально проанализированы в ряде работ, среди которых обращает на себя внимание коллективная монография «Пути и перепутья

Руководство КНР избрало свой путь. Китайцы часто повторяют, что они сделали необходимые выводы из «советского опыта». Успешное воплощение экономических реформ в Китае, безусловно, имеет немаловажное значение для проведения реформ в посткоммунистических странах, в частности, и для Украины, хотя бы потому, что заставляет искать эффективные рецепты реформ. Очевидно и то, что Украина не имеет в своем распоряжении каких-то 200—250 лет для прохождения пути, по которому прошли развитые страны Запада. Да и ситуация в мире сейчас совсем другая.

Конечно, опыт КНР — это практически единственный пример перехода социалистической экономики на рельсы рыночного развития без «шокового» падения жизненного уровня населения и серьезных социальных сломов в масштабах государства. Вопрос, который всех интересует: «Как это им удалось?»

В последнее время кризисное состояние нашей экономики стимулировало дискуссии относительно возможности осуществления «китайского пути» в Украине. На эту тему высказываются парламентарии, политологи, научные работники. Популярным стало в определенных кругах говорить о целесообразности и актуальности китайских реформ для Украины. Если это так, то насколько актуальными они являются? Вопрос этот явно не изучен. Понятно лишь, что не только китайский, но и вообще азиатский опыт действительно требует серьезного изучения. Но при этом в высказываниях некоторых наших политиков дело выглядит так, будто бы в Китае государство вмешивается во все процессы, которые происходят в обществе. Конечно, важным условием успехов китайских реформ послужило то, что государство на протяжении всего периода реформ сохраняло контроль над рыночными преобразованиями в стране. Но это макроконтроль. Процесс сопровождался спорами, экспериментами, а на некоторых этапах и отступлениями. Известны, например, трудности, с которыми столкнулось частное предпринимательство в первые годы реформ, когда ему пришлось маскироваться под общественные или коллективные предприятия. Это явление получило название в Китае «красной шапки», или «псевдоколлективности». Со временем, однако, благодаря опережающему росту частной собственности, необходимость в такой социальной мимикрии отпала сама собой.

По оценке английского журнала «Economist», доля частного сектора в ВВП промышленности КНР достигла де-факто к 2000 г. 51 %¹². В других источниках приводятся другие цифры. Например, газета «Чайна дэйли» оценивает эту долю в 30 %¹³. Как видим, правильнее говорить о том, что в современном Китае вмешательство государства касается главным образом стратегических, жизненно важных вопросов политической и экономической сфер жизни и связано с

современной цивилизации», авторы Ю.М. Пахомов, С.Б. Крымский, Ю.В. Павленко. (Киев. 1998). Среди многочисленных работ китайских авторов на тему развала СССР и последующих событий на постсоветском пространстве интересна точка зрения профессора У.Жень-чжана из влиятельного Центра исследования проблем развития, который пишет, что развал СССР стал следствием целого рода грубых политических и экономических ошибок советского руководства, неумения применить теорию к реалиям времени и особенностям своей страны (У.Жень-чжан. От Ленина до Горбачева: эволюция теории советского социализма. — Пекин. 1992 г. — С. 376—380, на кит. языке).

¹² «Economist».....2000. - № 3.

¹³ China daily. - 2002. — 7 апреля. Интересны также призывы, все громче раздающиеся в Пекине, активнее использовать частный сектор для создания новых рабочих мест и решения проблемы безработицы. Очевидно, что вступление Китая в ВТО дает дополнительный импульс такой тенденции.

последовательностью курса реформ и необходимостью сохранения стабильности в обществе любой ценой. Речь идет прежде всего об осуществлении политического контроля над ситуацией в стране, о сохранении ее территориальной целостности, отношений между различными регионами и центром, демографическими процессами. И как показывают трагические события 1989 года, дело дошло до кровопролития, вплоть до применения вооруженных сил против демонстрантов, выступавших под демократическими лозунгами. Такие демонстрации, по мнению китайского руководства, угрожали нарушить политическую стабильность в стране. А у китайского руководства, пережившего все зигзаги «культурной революции», да и у многих китайцев, по крайней мере у тех, кто помнит ужасы «культурной революции», существует аллергия на все, что так или иначе может угрожать стабильности. Но если в политической сфере серьезные изменения были отложены на более поздний (пока трудно сказать, насколько) период, то в сфере экономики, напротив, наблюдаются *исключительно динамичные процессы*. Здесь происходит широкомасштабный эксперимент. Речь идет прежде всего об отработывании новых форм синтеза государственного регулирования с механизмами свободной рыночной конкуренции, которые в свою очередь оказывают воздействие на создание нового технологического общества с наукоемкой рыночной экономикой. Так, в очередной (десятой) пятилетке нашел отражение качественно новый подход китайского руководства к проведению реформ в условиях глобализации мировой экономики и становлению глобальной «экономики знаний» на основе новейших достижений информационно-технологической революции. Акцент делается на переход от экстенсивных к интенсивным факторам роста. Фактически опыт, накопленный Китаем за время, прошедшее после азиатского финансового кризиса, заставил китайских руководителей пересмотреть соотношение между внутренними и внешними факторами развития. Налицо *тенденция превращения политики открытости и это очень важно для понимания перспектив дальнейшего развития Китая, интеграции экономики Китая в мировое рыночное хозяйство, функционирующее по правилам, задаваемым ведущими экономиками западных стран*.

Таким образом, после вступления в ВТО впервые за всю историю КНР страна выступает как глобальный экономический игрок. Все это имеет мало общего с директивным вмешательством в экономику сталинского типа (что еще часто ошибочно отождествляется у нас с «китайским путем»). В КНР советская модель сталинского типа подверглась аргументированной критике, и от нее китайцы решительно отказались еще в начале 80-х годов. Кстати, «становление рыночной экономики в Китае повторяет этапы становления и развития капиталистической рыночной экономики: сельское хозяйство — легкая промышленность — тяжелая промышленность — сфера услуг, — подчеркивает М.Л. Титаренко. Этот «бухаринско-чаяновский» подход китайских руководителей принципиально отличается от постановки вопроса в схеме Сталина: тяжелая промышленность — легкая промышленность — сельское хозяйство»¹⁴. Эта модель, кстати, так же далека от китайской современной экономической модели, как и модель, возникшая в Украине которую некоторые наши экономисты считают «монетарной», от модели современной западной экономики. Именно благодаря удачному синтезу государственного участия и рыночных сил, китайцы во многом и достигли таких успехов. Вектор развития китайской экономики направлен на изменения в соотношении роли государства и рынка в пользу последнего. Это нашло отражение в отказе от директивного планирования в последнем пятилетнем

¹⁴ М.Л. Титаренко. Китай: цивилизация и реформы. — М., 1999. — С. 94.

плане. Но это уже большая и интересная тема которая заслуживает отдельного исследования.